

Александр Николаевич Лушин

**ИСТОРИИ ПОСЛЕВОЕННОГО ДВОРА
Рассказы
К 75-летию Великой Победы**

Послевоенные дети

Многие улицы в центре города были вымощены булыжником, и, если по такой мостовой катить тележку, раздаётся равномерное постукивание колес. По утрам можно было слышать, как в разных уголках старых улочек и переулков дребезжат разбитые колесики, а звуки постепенно уходят в сторону Свердловки. На деревянных тележках, отталкиваясь от мостовой тяжелыми колодками, катили безногие инвалиды в застиранных гимнастерках, на которых брякали медали. Обычно они сидели у входов в парки и скверы, разглядывая прохожих. На головах у них были фуражки или пилотки. Инвалиды не просили подаяний, они просто молчали. В то время фронтовики в городах уже почти не носили военную форму, но на пиджаках у многих были ордена и медали. Нередко фронтовики гуляли с женами и детьми. Завидев безногого, они останавливались, давали закурить, вспоминали войну, и, смущаясь, предлагали одну-две денежных купюры. Им как будто было неловко от того, что они здоровые, с руками и ногами, гуляют с нарядными женами, пьют пиво и газировку, ходят в кино, а на тротуарах сидят такие же как они фронтовики, но изувеченные безжалостной недавней войной. И они, многое повидавшие, в том числе близкую смерть, старались не проявлять жалости, но, если у жен вдруг начинали краснеть и влажнеть глаза, торопливо закуривали и уводили свои семьи. А инвалиды, многие из которых были бессемейными, проклятая война в том виновата, тоже закуривали и продолжали свое молчаливое сидение.

Мы, любопытные мальчишки, приносили этим искалеченным спички, папиросы, которые для них давали нам матери и отцы, пережаренные баранки из пекарни с угла

Тихого переулка и Володарки, подолгу стояли рядом с ними, надеясь услышать героические истории. Но безногие дядьки с медалями на выцветших гимнастерках почему-то не хотели говорить о войне, а спрашивали нас о родителях, об учебе в школе, о чем угодно, но не желали рассказывать о своих подвигах. А нам представлялось, что они, как в кино, поднимались в атаку и падали, сраженные вражеским свинцом, но все это было красиво и впечатляюще. Чтобы добиться расположения увечных, мы хвастались отцами, которые на своих пиджаках носили боевые награды. Тогда те несколько оживлялись и торопливо спрашивали: «Батя-то твой не калека? Руки-ноги есть? Хорошо!». Однажды к инвалиду, ежедневно сидевшему у Первомайского сквера, подошел военный, на кителе которого сверкали ордена и медали, постоял, процедил сквозь сжатые губы «вот цена победы», вскинул ладонь к козырьку фуражки, резко развернулся на каблуках и зашагал вниз по Свердловке.

В наш старый городской двор со стороны Тихого переулка каждую неделю приходил точильщик, громко и весело кричавший: «Точу ножи-ножницы!». Левый рукав его гимнастерки был пустой, приколотый большой булавкой чуть выше солдатского ремня. Правой рукой он творил чудеса, ловко справляя свое нехитрое ремесло. Мы, дворовые мальчуганы и девчонки, радостно бежали ему навстречу. На груди умельца-фронтовика позвякивали три медали, но с другой стороны красовались орден Красной звезды и гвардейский знак. В правом кармане у него был кисет с махоркой и квадратики газетной бумаги, чтобы свернуть самокрутку, и пакетик с дешевыми карамельками с народным названием «Дунькина радость». Прежде, чем приступить к работе, он извлекал из кармана сладости, обсыпанные табаком, стряхивал желтые крошки и оделял каждого конфеткой. Затем он быстро работал, что-то веселое рассказывая обступившим женщинам, ласково поглядывал на нас, ребятню, раздавал наточенные ножи, сворачивал самокрутку, с наслаждением делал первую затяжку и выпивал рюмку водки, поднесенную на блюдечке. Однажды он пришел в то время, когда дома был отец. Они долго сидели на скамейке вдоль стены дома, курили отцовские папиросы, о чем-то тихо говорили, потом выпили водки и пели военные песни.

Дворы наши были проходными, так как все заборы в военное время разломали и топили ими в зиму печи, поэтому с улицы Полевой можно было дворовыми лабиринтами быстро проскочить до Черного пруда, где находилась городская баня, или до керосиновой лавки, располагавшейся возле церкви напротив Кулибинского парка. В некоторых домах появились новые жильцы, которые получили пустующие квартиры. Появились и дети, наши сверстники, но в наших шумных играх они не участвовали: не разрешали родители, видимо, опасались дурного уличного влияния с нашей стороны. Часто через наш двор проходила нарядная, ярко накрашенная женщина в причудливой шляпке, держа за руку на вид пятилетнего толстячка в красивой матроске. Однажды фронтовик-точильщик, одаривавший нас конфетами, предложил и этому мальчику свое нехитрое лакомство. В ответ женщина раздраженно закричала сыну: «Не смей брать в руки эту гадость, еще подцепишь какую-нибудь заразу». Однорукий фронтовик отвернулся, и мы увидели слезы на его глазах. Екатерина Ивановна, почтенная старушка, награжденная медалью за самоотверженный труд в тылу, подошла к женщине и что-то такое тихо ей сказала, что та, подхватив сына на руки, опрометью побежала от нашего дома.

Вечером случившееся событие обсуждал весь наш двор. Внезапно мой отец громко сказал: «Пусть дети знают», и, собрав мальчишек и девчонок в кружок, рассказал нам печальную историю. Когда началась война, точильщик ушел на фронт, а его жена и двое детей эвакуировались в Среднюю Азию. Поезд попал под немецкую бомбежку, и смертельный снаряд угодил в вагон, в котором ехала семья солдата. Он воевал как все, не щадил своей жизни, был тяжело ранен, лишился руки и только в госпитале узнал о судьбе своей семьи. И нам, стало понятным, почему он всегда так ласково смотрел на нас, угощал конфетами, шутил с нами, - он смотрел на нас, а видел своих погибших детей. Об этом он

так долго и говорил с моим отцом, покуривая на скамейке. А нарядная женщина больше через наш двор не ходила, видимо, что-то очень правильное сказала ей Екатерина Ивановна.

Как все дети, мы играли в войну, но возникла непредвиденная ситуация, когда все мальчишки хотели быть только командирами и бойцами Красной армии, и никто не соглашался быть «фашистом». Вообще, назвать кого-либо фашистом было самым страшным оскорблением в послевоенные годы. Но ведь должны же мы были героически сражаться с врагом, а где его взять? В то время еще жила уличная традиция: биться двор на двор, тем более что старые дворы в центре города были многолюдными. Нашими врагами стали мальчишки из соседних проходных дворов, но назвать их фашистами язык не поворачивался. Общей территорией был Кулибинский парк, по периметру густо обсаженный акацией. В Петропавловской церкви располагался кинотеатр «Пионер», рядом деревянная танцплощадка, вокруг которой росли неохватные липы, посаженные еще во времена Екатерины Великой. В парке находились две веранды: читальня и шахматная площадка. Парк казался нам огромным, были в нем и дикие уголки, заросшие сиренью и бузиной. На окраине парка со стороны Гранитного переулка сохранялись высокие деревянные ворота, возле которых были разбросаны могильные плиты и расколотые памятники с дореволюционной орфографией.

Территория парка была негласно поделена между дворами, располагавшимися вокруг зеленого массива. Казалось бы, есть причины для дворовых войн, но, как говорила моя мама, в пределах трамвайного и троллейбусного кольца все знают друг друга в лицо, поэтому все мальчишки, как и их родители, были в приятельских или дружеских отношениях. Следовательно, «фашистов» не было, поэтому ранения мы получали только в воображаемых сражениях, но военные санитарки у нас были настоящие: в маминых или бабушкиных гимнастерках, с повязками на рукавах, с сумками и даже самодельными носилками, на которых меня не раз выносили с перебинтованной головой или ногой с поля боя. Как-то санитарка Наташа с Володарки вытащила из сумки настоящий шприц и заявила, что сделает мне укол. Я так перепугался, что сразу выздоровел, и, подхватив деревянный автомат, соскочил с носилок и устремился на помощь своим боевым друзьям.

Некоторые мои старшие возрастом товарищи росли без отцов, так уж получилось, но они гордились своими погибшими на войне отцами, выносили во двор малоформатные фотокарточки, с которых смотрели молодые лица. Иногда по вечерам мой отец подсаживался к нашему мальчишескому кругу, собиравшемуся на заднем дворе, искусно вырезал из деревянных брусочков автоматы и пистолеты, которыми были вооружены все окрестные ребята. У отца на теле были глубокие шрамы, напоминавшие о тяжелых фронтовых осколочных ранениях. В чернопрудской бане, где мы с отцом по субботам подолгу с наслаждением парились, какой-то мужчина, сидевший на соседней скамье, участливо молвил: «Знатно же зацепило тебя, браток». Однажды, когда отец сидел с нами и учил нас вырезать чижика, я попросил его: «Пап, расскажи про войну». Отец погладил меня по стриженной голове и сказал: «Воевал как все, три раза был ранен. Но самое главное в том, что мы победили, и у вас точно будет счастливая жизнь».

На Пырловке, Ошаре, Володарке, Ковалихе верховодила послевоенная задиристая шпана, но даже она не позволяла себе очистить карманы хмельного фронтовика, забредшего в далеко неблагополучный квартал и присевшего на лавочку покурить. В то время еще не приглашали на официальные школьные праздничные встречи отцов и дедов, успевших повоевать, но многие учителя-мужчины сами были фронтовиками, и на уроках мы считали на орденских планках, сколько наград они заслужили. Бывало и так, что прямо на уроке, когда кто-либо шалил или дерзил, учитель вдруг начинал рассказывать о своих школьных годах, о начале войны, о том, что победа досталась нам нелегкой ценой, и мы, пристыженные, старались изо всех сил показать, как мы уважаем нашего учителя и любим его предмет.

Каким-то особенным шиком у некоторых дворовых мальчишек стало постоянное употребление срамных слов. Сплевывая сквозь зубы, они лениво тянули слова, подражая

приблатненным пацанам, которые были, наверное, в каждом многолюдном послевоенном дворе. Один раз знакомый точильщик услышал, как соседский мальчишка выругался, и поговорил с ним настолько душевно, что тот даже заплакал. У моей двоюродной бабки в комодке хранились письма, отправленные ее мужем с фронта. Он был кадровым командиром Красной армии. В конце января 1943 года он прислал жене неожиданное и удивительное письмо, в котором каялся, что 36 лет не верил в Бога и ругался матом, но с завтрашнего дня он круто менял свой образ военной жизни, обращаясь к Божией помощи и не оскверняя себя и других матом. На следующий день в жестоком бою он погиб. Это письмо отдали мне, его прочитал мой отец, сглотнул ком в горле и сказал: «Душа всегда должна оставаться чистой!».

Послевоенные дети, не знавшие бомбежек и страха смерти, тем не менее, мы хорошо знали, что такое похоронка, что такое братская могила, почему плачут вдовы над маленькими фотографиями командиров и бойцов. И мы замирали от нашего маленького счастья, когда в воскресный день отцы, надев пиджаки с боевыми наградами, с мамами под ручку вели нас есть мороженое и пить газировку на главную улицу города. Крепко сжимая отцовскую руку, я гордо шагал, постоянно бросая взгляд на отцовские медали, и мне так хотелось, чтобы все вокруг видели, что мой отец тоже геройски добывал нам нелегкую победу. А мы, по существу совсем еще несмышлениши, уже хорошо знали настоящую цену победы.

Однажды я проснулся от щемящей тишины. Выбежал во двор и увидел сидящего на нашем крыльце Славку Логинова, который держал в руках смятую пилотку. «Безногих увезли, - сказал тихо Славка, - отец с ночной смены пришел, говорит, каталки валяются». – «Куда увезли?» – удивился я, так как приготовил для знакомого инвалида три папиросы и коробок спичек. – «Не знаю, вот отец пилотку подобрал». Мы быстро прошлись по Ошаре до Черного пруда: безногих инвалидов на привычных перекрестках не было. А вскоре про них вообще позабыли.

Галерея на заборе

Цветные карандаши назывались красиво и звучно – «Спартак». Выпускала их фабрика имени Сакко и Ванцетти. Картонные упаковки были двух видов: тоньше под шесть и толще под двенадцать карандашей. Конечно, и цена была разная. С деньгами у всех во дворе положение было примерно одинаковое: не бедствовали, но и не шиковали, поэтому карандаши берегли и изрисовывали до самого, как тогда говорили, огрызка. Коробочку с изображением древнего гордого воина в шлеме с мечом или копьем не выбрасывали: в ней можно было хранить те самые огрызки. Вообще, карандаши были своего рода драгоценностью.

С бумагой, на которой можно было дать возможность разгуляться детскому творческому воображению, было не так просто. Школьные тетради, обложки которых украшали портрет усатого дяди в кителе и слова «За детство счастливое наше спасибо, родная страна!», были исписаны полностью. Альбомы для рисования в книжном магазине продавались всевозможные, но даже самые тонкие «кусались» ценой. Нашему двору повезло необычайно: мама Васьки Козырева работала в областной филармонии и старые часто несколько помятые афиши приносила домой. Зато это были большие листы, на тонкой шероховатой бумаге которых мы и создавали свои коллективные шедевры.

На высоком переднем крыльце дома (было и заднее), который иногда именовали также террасой или верандой, мы, мальчишки, расстилали афиши чистой стороной вверх, после чего раскладывали аккуратно карандаши и начинали рисовать. Вот уж где давалась бескрайняя воля нашей фантазии. Через вражеские окопы, изрыгая огонь, ползли советские краснозвездные танки, по небу летели большие и маленькие самолеты, также украшенные звездами, сыпались бомбы, взметывались вверх их разрывы, стреляли пушки, устремлялись в атаку солдаты, поднимая над головой автоматы и гранаты. Победа над фашистами была полной! С военными песнями мы гордо и радостно несли свое очередное творение к

дощатому забору, на котором обычно закреплялась канцелярским скрепками дворовая картинная галерея.

Девчонки тоже рисовали на афишах, но в отличие от нас, мужественных и храбрых, они, высунув языки от усердия, долго и медленно выводили кукольные силуэты, для которых потом вычерчивали наряды и вырезали их ножницами по своим меркам. В общем-то портили драгоценную бумагу, но мы были щедры по отношению к своим дворовым подружкам, тем более что дома у Васьки концертных афиш стопка постоянно пополнялась.

Мальчишеская или пацанская дружба была крепкой – «не разлей вода», поэтому в работе над очередной картиной всем место доставалось на нашей большой веранде. Лежа на животе или сгорбившись на коленках, каждый был занят собственным сюжетом, поэтому картины наши воссоздавали всевозможные героические эпизоды. И только Шурка Миняев рисовал одно и тоже в уголке каждого нашего творения: мужская и женская фигурки побольше и между ними совсем маленькая, держащая их тонкими ручками-веточками. Конечно, нам хотелось, чтобы картины имели совсем военный вид, но было одно крайне важное обстоятельство, с которым мы молча мирились. Шурка родился в мае сорок пятого года, и в этом же победном мае погиб его отец. Но он упорно каждый раз рисовал три фигурки. Жил Шурка вдвоем с матерью в угловом дворовом доме у двухэтажных бревенчатых сараев. Елизавета Ананьевна работала уборщицей в школе, кроме того, для кого-то стирала белье дома в большом корыте. Шурка вечерами таскал ведрами воду от колонки, и мы ему всегда помогали. Наши родители часто приглашали Шурку обедать, и он изредка приходил под предлогом поиграть в оловянных солдатиков. Огрызки своих карандашей, не совсем уж исписанные, мы подкладывали потихоньку в его спартаковскую коробку.

Однажды хорошим летним вечером мы надежно пришили кнопки к забору новую картину на военную тему. Скоро придут с работы взрослые, - вот они и полюбуются на очередное творение наших рук. За калиткой во двор была троллейбусная остановка. Мы для пассажиров, ожидающих троллейбус городского кольца, развешивали наши картины прямо на стене деревянного дома, окна которого выходили на улицу Горького и на Кулибинский парк. Остановка в обратную сторону была на противоположной стороне дороги, но там была парковая металлическая решетка, на которой не было возможности прикрепить наши живописные работы. Пассажиры с этой остановки иногда переходили на другую сторону улицы, чтобы посмотреть на наши картинки. Естественно, мы этим очень гордились. Как-то во двор зашла женщина, которая подошла к нам и строго спросила: «Мальчишки, это вы рисуете картинку, которые у остановки?». Мы сознались, и тогда она тихим голосом сказала: «Подарите мне одну из них, я мужу отнесу. Он с войны тяжело раненым вернулся, плохо ходит. А я ему рассказала про ваши детские рисунки, после чего он захотел уж так их посмотреть. А как это сделать?». Мы подвели женщину к забору, на котором была прикреплена вся дворовая галерея и разрешили взять любые картинку, какие ей понравятся. После этого дружно проводили ее до остановки троллейбуса.

Когда вернулись во двор, застали у забора Мухина. Вообще-то его звали Владимиром Ивановичем, но на нашей улице он был почему-то только Мухиным. Часто он бывал пьяным, но детей никогда не задевал. Он, покачиваясь на не совсем послушных ногах, ткнул пальцем в один из рисунков и вдруг буркнул Шурке: «Ты чего тут малюешь, дурачок? Отца-то у тебя же нет!». Мы увидели, как болезненно дернулось все Шуркино лицо, и он громко выкрикнул: «Но ведь у меня папа был! Был! Был!». Слезы потекли по его щекам, и неожиданно для всех он набросился на Мухина и стал с силой бить его кулачками по груди, по рукам, по животу. В открытое настежь во двор окно посмотрела баба Катя Покровская, в своем неизменном цветастом фартуке пулей выбежала к забору и громко сказала: «Уйди, Мухин, не наводи меня на грех». Пьяный быстро развернулся, оторвал от себя Шурку и выбежал на улицу. Баба Катя подошла к нашей галерее, прижала Шуркину голову к своему бедру и, обведя мальчишеское военное творчество своим внезапно повеселевшим взглядом, ласково молвила: «Рисуй папку и дальше. Он для тебя с мамой всегда будет живой».

Дворовая галерея висела на заборе до начала сентября. После первого ночного дождя мы бережно ее сняли и отнесли в районный дом пионеров.

Танкист

У него одна щека была очень страшной: рубец от виска к верхней губе, а вокруг следы сильного ожога. И пальцы на руках у него тоже были некрасивые, какие-то витые, с изъеденной рваной кожей. Была у него жена, маленькая, худенькая тетка, которая все время где-то мыла полы или у кого-нибудь стирала белье. А еще были две дочери, тоже маленькие, тихие, с робким испуганным выражением на тонких белых личиках. Ходили они всегда вместе, прижимая к груди дешевых гуттаперчевых кукол. Иногда они подходили к нашей шумной дворовой компании, стояли в сторонке, баюкая своих кукол, а Юрка Сова, сплевывая под ноги, небрежно спрашивал их: «Вам чего, малахольные?».

А этот новый жилец нашего двора, неразговорчивый, слегка горбящийся и прихрамывающий неловкой походкой, по вечерам, вернувшись с работы, обычно сидел на скамейке около фонтана-колонки и долго курил дешевые папиросы- «гвоздики». По воскресеньям его жена ходила в Троицкую церковь на Высоковских оврагах, и в эти часы он гулял с девочками на заднем дворе. Они играли на склоне холма у старых сараев, а он как обычно курил и крепко думал о чем-то, иногда даже не отзываясь на громкие вопросы соседей.

Вот в такой момент к нему и подошел подвыпивший Мухин, которому, видимо, очень хотелось поговорить, и, перекидывая заливчатски папиросу в угол рта, брякнул: «Чего баба твоя в церковь шастает? Скоро всех попов разгонят, а в церкви клуб сделают. Или киношку, как в парке. Ты бабе своей скажи...». Тут жилец новый поднялся, резко дернул обожженной щекой и дрогнувшим голосом ответил, но как-то необычно: «Ты мою жену не трогай. Она меня вымолила». Мухин махнул рукой и пошел прочь.

Шли дни, недели, месяцы. В начале февраля отец привез на легковушке два мешка картошки. В воскресенье он рассыпал ее по сеткам-авоськам и попросил меня разнести соседям. Одну из таких раздачек мне было поручено отнести в квартиру новому жильцу. Я, засунув ноги в валенки, в одном только свитерке перебежал через двор, открыл тяжелую дверь и по скрипящей лестнице поднялся на общую кухню. В квартире были только девочки, которые на диване сидели в обнимку с куклами. Я поставил сетку у двери и уже хотел бежать обратно, но вдруг увидел прикрепленную к небольшому настенному зеркалу фотокарточку. На ней был запечатлен капитан в танковом шлеме, а на кителе два ордена и несколько медалей. Тут я сморозил явную глупость, спросив: «Это кто?». Глупость потому, что уже понял, что на фотографии был отец девочек. Капитан! Танкист! Орденосец! И в нашем большом дружном дворе этого никто не знал.

В школе готовились торжественно отмечать День Советской армии и военно-морского флота. Наша молоденькая классная руководительница Ирина Александровна, которая самый первый год работала после окончания педагогического института, предложила пригласить на классный час участника Великой Отечественной войны. И тут я поднялся и совсем неожиданно для себя сказал: «У меня знакомый танкист есть. Орденосец. Я его сегодня к нам на встречу приглашу. Можно?».

Что мне теперь оставалось делать? Вечером я, ужасно волнуясь, пришел в квартиру танкиста. От отца я узнал, что зовут соседа по двору Андреем Викторовичем. Он сидел с женой и девочками за столом и читал вслух какую-то детскую книгу. Видимо, это была очень веселая книга, так как женщина и девочки радостно смеялись. Увидев меня, хозяин дома отложил книгу и сказал: «Мальчик, проходи к столу. Садись с нами. Мы читаем очень хорошую и добрую книгу». Наверное, вид у меня был весьма серьезный, так как дружная семья удивленно и пристально стала на меня смотреть. Я все-таки набрался внутренне храбрости и выпалил: «Наш класс приглашает вас на торжественное собрание, посвященное Дню Советской армии». Теперь маленькая женщина и девочки повернулись к Андрею Викторовичу. Жена его встала со стула, зашла ему за спину, положила руки на

плечи и, как-то озорно тряхнув коротко стриженной головой, весело сказала: «Андрюша, обязательно сходи с мальчиком на их собрание. Кстати, мальчик, как тебя зовут?». Мы проговорили целый час, а может и больше, но, главное, танкист согласился прийти с боевыми наградами на классное собрание.

В праздничный день после уроков я с нетерпением ожидал Андрея Викторовича у парадного входа в школу. Когда мы вошли в класс, где за партами выжидающе расселись мои одноклассники, а Ирина Александровна с коробкой конфет и тремя гвоздиками замерла у доски, танкист обвел всех острым взглядом и как-то мешковато опустился на стул. Он молча смотрел на нас, а мы смотрели на него, на ордена и медали на пиджаке, на обожженную щеку, рубец на которой вдруг стал багровым. Ирина Александровна хотела что-то сказать, но не успела, потому что наш гость очень тихим голосом молвил: «Дорогие дети, какое счастье, что вы никогда не увидите, как горит танк». Он закрыл свое лицо обожженными руками. В классе стало совсем тихо. И вдруг всхлипнула Ирина Александровна, приложила к глазам платочек. Я увидел, как сморщила нос Таня Волченкова, а по щеке у нее покатились слезинки. У меня предательски защемило в груди, казалось, вот-вот и я тоже буду нуждаться в платочке. Так мы классом просидели молча полчаса, не менее. Наконец, Андрей Викторович поднялся, откашлялся и сказал: «Я прочитаю стихотворение Симонова». Читал он очень выразительно, и голос у него был сильный, и награды на его скромном пиджаке были такие красивые. Ирина Александровна, вручая ему под наши быстрые хлопки ладонями цветы и конфеты, явно стесняясь, спросила: «Можно я вас поцелую?». Танкист улыбнулся: «Можно».

Из школы мы рядышком не спеша возвращались по Гранитному переулку. Андрей Викторович сосредоточенно курил, но вдруг решительно бросил папиросу и, оборотившись ко мне, грустно сказал: «Прости меня». А я пока живу, помнить буду его и сегодня бередящую сердце фразу: «Какое счастье, что вы никогда не увидите, как горит танк».